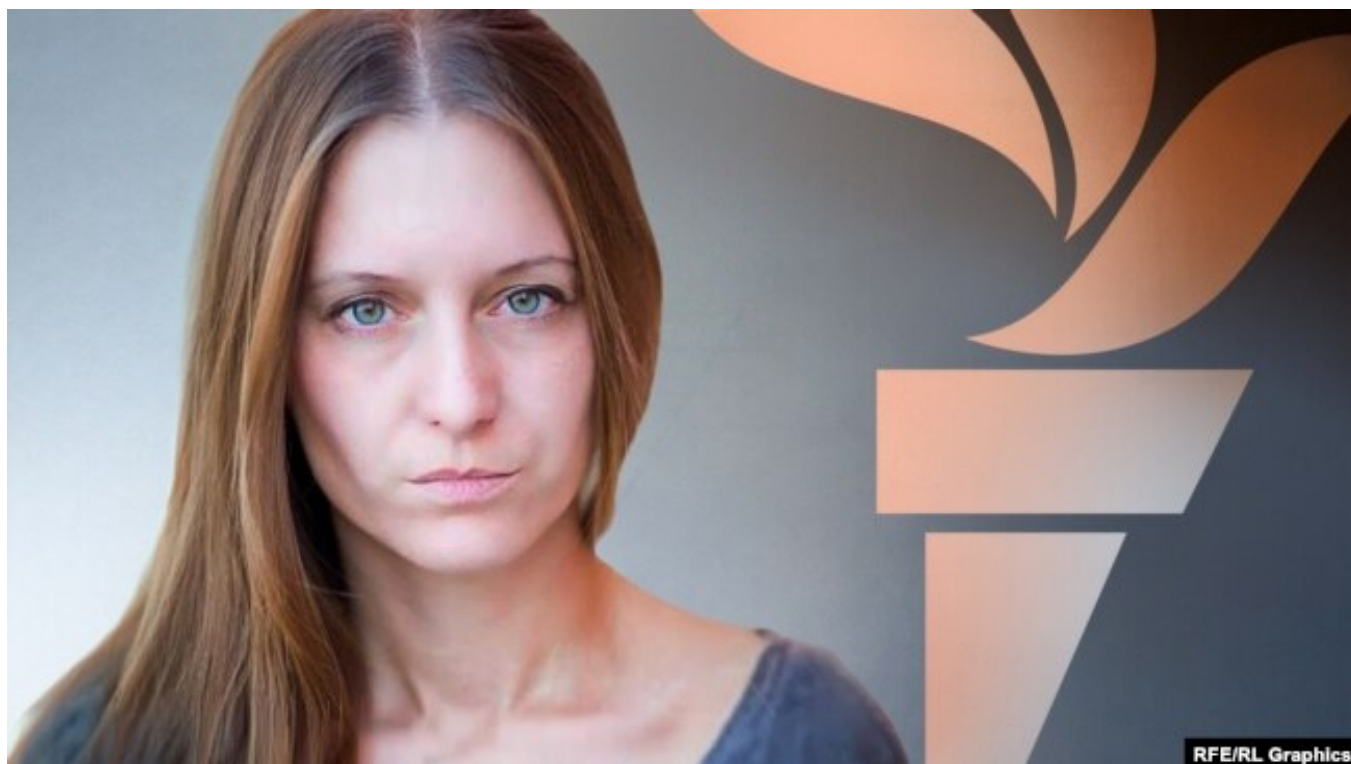

Цена за выбор быть собой. Светлана Прокопьева - о деле Льва Шлосберга

Светлана Прокопьева

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

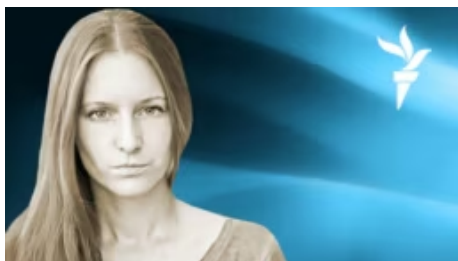

Вечером 17 августа, сдав текст про 11 лет колонии для оппозиционера Льва Шлосберга – он так и не уехал из России и теперь в тюрьме, – я с неприятной четкостью вдруг вспомнила один эпизод из 2013 года. Лето. Псков. Автобусная остановка "Дом Советов". Я стою там со своими друзьями и коллегами – мы только что вышли из того самого Дома Советов, то есть областной администрации, где сидели на медиапланерке у Саши Машкарина, замруководителя аппарата правительства области.

Я тогда исполняла обязанности главного редактора "Псковской правды". Макс Андреев возглавлял Псковское агентство информации. Лена Ширяева – псковский "АиФ". Все эти СМИ входили в только что созданный Медиахолдинг Псковской области.

– Обалдеть, – подумала я, а может, даже сказала вслух. – Вся государственная псковская пресса сейчас, по сути, в руках у выходцев из "Псковской губернии".

Тогда полушутливая идея захватить власть в свои руки у коллег не вызвала отклика. Хотя шансы-то на успех были.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Непрекрасная Россия будущего. О ее строителях – Светлана Прокопьева

Не только нас троих объединяла работа в "Псковской губернии". Машкарин тоже писал туда и с 1999 года работал в Центре социального проектирования "Возрождение" у Льва Шлосберга, оттуда в 2005-м ушел во власть, где так и остался. Тогдашний вице-губернатор Виктор Остренко проработал в "Возрождении" десять лет, с 1992 по 2002-й. Там же начинал и Максим Костиков, который к 2013 году уже возглавлял ООО "Гражданская пресса" – второй крупный медиахолдинг региона.

Центр "Возрождение", "Псковская губерния", "Социофокус", "Навигатор" и другие детища Шлосберга были очень специфической школой. Формально работа – но держала там людей явно не зарплата. Это была среда, где можно было думать. Учиться писать. Ездить по миру – Лев Маркович постоянно выискивал варианты конференций, семинаров, школ. Там можно было спорить, оттачивать свои убеждения – и жить в соответствии с ними. Через эту школу в Пскове благодаря Шлосбергу за несколько десятков лет прошли очень многие.

Это было приятное состояние. Люди уходили оттуда чаще по прагматичным причинам – в какой-то момент надо было уже начинать зарабатывать. И шли на этот маленький компромисс: зарплата больше, свободы чуть меньше. Но в душе-то ты все тот же. Либерал и демократ.

И это не было враньем. Сегодня сложно поверить, но тогда люди шли во властные структуры, искренне веря, что будут работать на благо страны. В декабре 2004 года губернаторские выборы в Псковской области выиграл Михаил Кузнецов – победив кандидата от "Единой России", хотя сам оказался в "ЕР" уже на следующий год. Что ж поделать – необходимый компромисс для государственного деятеля.

Когда Кузнецова сняли, его люди остались у Андрея Турчака, политика совсем другого генезиса. Тоже в какой-то мере компромисс – ради преемственности и продолжения проектов.

Российское государство, ангажировавшее талантливых и способных мыслить людей, требовало идти на компромиссы, и каждый новый плавно вырастал из предыдущего.

И ты шел, пока не наступал тот самый момент: нет, вот это уже НЕТ.

Лев Шлосберг в суде после вынесения приговора. Псков, 17 августа 2026 года

Меня так и не утвердили в должности главреда "Псковской правды", и уже осенью 2013 года я стала главредом "Псковской губернии", сменив на этом посту Льва Шлосберга. Он как раз сосредоточился на депутатской работе – псковское "Яблоко" в том созыве впервые прошло в областное собрание.

На следующий год был "Крымнаш". Весной имя Шлосберга прогремело на всю страну благодаря его голосованию против аннексии и колонке "Пока все живы". В августе мы опубликовали фото могил псковских десантников, и Льва на улице избили неустановленные лица.

А в 2015 году я сидела в кабинете Остренко, который стал вице-спикером областного собрания и возглавил комиссию, которая отбирала мандат у Шлосберга по совершенно бесправным основаниям. Я брала у него комментарий для статьи про это, не помню куда. Помню, что единственным по-настоящему волновавшим меня вопросом был: "Вить, серьезно?"

“ Честная и прямая мысль выводит тебя на траекторию уголовного дела, а та же мысль, высказанная "безопасным способом", звучит как собственная противоположность

Я правда не могла понять, как, когда случилась эта трансформация.

В какой момент компромисс, который позволяет тебе оставаться собой и продолжать работу, превращается в компромисс, после которого ты перестаешь быть собой?

Остренко по-прежнему вице-спикер собрания, а также руководит ОНФ в Пскове и откровенно пропагандирует войну. "Гуманитарка" на фронт, поддержка военнослужащих, вот это всё. Костиков не пропагандирует войну напрямую, но его медиахолдинг продолжает спокойно работать в новой реальности. Машкарин рулит медийной повесткой теперь при Ведерникове – он замдиректора государственного Медиахолдинга Псковской области. В нем же остается работать Андреев. Ширяева давно ушла из журналистики и теперь возглавляет городскую библиотеку.

Я – в эмиграции, потеряв все, что заработала после ухода из "Псковской губернии". За границей и весь новый коллектив "ПГ".

А Лев Шлосберг, человек, который объединял нас всех, – в тюрьме.

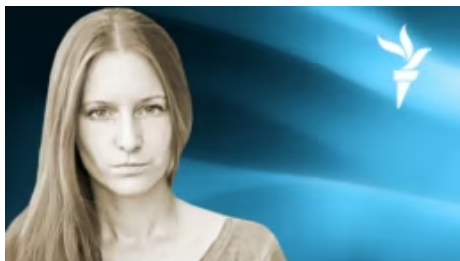
"За свободу надо платить", – по словам очевидцев, сказал он, услышав свой приговор. Это парадоксально, но я понимаю, что он имел в виду: он заплатил реальным лишением свободы за свободу остаться собой.

Я не могу сказать, что Шлосберг никогда не шел на компромиссы. Наверняка шел. Без них и в обычной-то жизни трудно, а в политике совсем никак. И чем меньше в России оставалось политики, тем больше компромиссов требовалось для того, чтобы продолжать быть политиком.

После начала полномасштабного вторжения в Украину компромиссы стали совсем чудовищны: честная и прямая мысль мгновенно выводит тебя на траекторию уголовного дела, а та же мысль, высказанная "безопасным способом", звучит как

собственная противоположность. Отсюда – "партия чужой крови", "Украина – не жертва" и прочие, прямо скажем, не самые удачные формулировки, сделавшие Льва чужим для большей части антивоенной эмиграции.

"Лучше бы молчал", – говорили ему. Но политик не может молчать: речь – это его рабочий инструмент. Лев Шлосберг принял для себя решение: остаться российским политиком. Поэтому он продолжал говорить. Поэтому он не уехал из Пскова.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Россия в суперпозиции. Светлана Прокопьева – о точках смерти и жизни

"Можно быть политиком и в эмиграции", – говорят сегодня, комментируя его решение. Политиком – можно, Львом Шлосбергом – нет. Он – неотъемлемая часть Пскова. За тридцать с лишним лет он стал частью инфраструктуры псковской общественно-политической жизни. К нему шли за помощью, за советом, с жалобами, с инициативами. Защита исторического наследия, культурная память, права человека, протесты против мусорных полигонов и вырубки деревьев, лишение льгот – любые проблемы стекались к Шлосбергу и его структурам. Он писал письма, обращения, законопроекты. Он постоянно общался с людьми.

Это невозможно забрать в эмиграцию.

Можно взять с собой семью. Можно вывезти ноутбук, профессию журналиста или статус эксперта, иногда даже аудиторию. Но нельзя вывезти роль, которая возникает из тридцати лет отношений с конкретным местом и конкретными людьми.

Верность себе особенно страшна, когда себя нельзя переселить на другую почву.

Российская государственная система поймала Льва Марковича в ловушку. Ему пришлось выбирать между невозможными вещами. Молчать – значит перестать быть политиком. Уехать – значит перестать быть псковским политиком. Говорить прямо – возможно, сесть раньше. Говорить осторожно – рисковать тем, что собственная речь начнет казаться неправдой. А в итоге все равно сесть.

Все эти годы Лев Шлосберг оставался верен не только себе, но и собственному опыту – опыту человека, который однажды видел, что независимые институты действительно способны менять город. Он занимался региональной политикой. Издалека это может показаться наивным: ну какая политика в современной России? Изнутри же это практическая работа и ее реальные результаты – которые доказывают тебе: ты – на своем месте.

“ Лев сел на одиннадцать лет не потому, что он "как-то не так" себя вел или сделал "что-то не то". Это с Россией что-то не то

Просто продолжая оставаться собой, Лев Шлосберг внезапно оказался героем. Не потому, что хотел. Нормальность рассыпалась до такой степени, что без героизма уже не получается сохранить верность своим принципам и продолжать верить в самые простые вещи – мир, ценность человеческой жизни, право на мнение.

Лев сел на одиннадцать лет не потому, что он "как-то не так" себя вел или сделал "что-то не то". Это с Россией что-то не то. В нормальной стране верность себе не должна стоить одиннадцати лет жизни. Если простое нежелание перестать быть тем человеком, которым ты был всю жизнь, требует героизма – ненормален не человек. Ненормальна страна.

Светлана Прокопьева – журналист Радио Свобода

Высказанные в рубрике "Блоги" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Светлана Прокопьева

Псковский журналист, редактор и автор регионального сайта Радио Свобода Север.Реалии

Этот контент также в категориях

Блоги

Выбор Свободы

Мнения